

УДК 811.11

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-75-87

СЕМАНТИКА МОДЕЛЕЙ С ПРЕДИКАТАМИ «БЕСПЕРСПЕКТИВНОГО ПРОТЕКАНИЯ»

Сулейманова О.А.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д.4, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается синтаксическая модель русского предложения вида *Мне не спится*, предикативную основу которого составляет предикат бесперспективного протекания, выделенный Ю.С. Масловым. Предлагается описание семантики данной модели и выделяется ряд семантических признаков, составляющих ее значение: контролируемость, фазовость, бесперспективность протекания и др. Предлагается далее выделять инфинитивную модель, которая также требует предиката данного типа для успешной своей реализации – *А она – хохотать*.

Ключевые слова: семантика, безличное предложение, контролируемость, предикат бесперспективного протекания, русский язык.

SEMANTIC DESCRIPTION OF THE SENTENCE MODELS WITH PREDICATES DENOTING “PROSPECTLESS ACTIVITY”

O. Suleimanova

Moscow City Pedagogical University

129226, Moscow, 2-nd Selskhozoyastvenny proezd, 4, Russian Federation

Abstract. The paper focuses on the Russian sentence model of the type *Mne ne spitsja* (lit. Me-Dative not sleep-reflexive), which requires a special predicate type denoting prospectless activity. This predicate type was outlined by Ju.S. Maslov. The paper offers a semantic description of the model, based on the semantic features such as + / - control, phase perception of the activity, prospectless activity, etc. The author suggests a description for an infinitival sentence model which, she claims, also calls for the predicate type in question – *A ona – khokhotat'* (lit. And she – laugh-infinitive).

Key words: semantics, impersonal sentence, control, predicate denoting prospectless activity, Russian language

Предикаты бесперспективного протекания (далее ПБП) были впервые выделены в работах Ю.С.Маслова, который включает в эту группу глаголы типа *любить, полагать* – на том основании, что и те, и другие описывают ситуации, которые могут просто перестать иметь место, но не могут быть «кончены» [9, с. 309]. В работах Т.В. Булыгиной к этой группе отнесены предикаты типа *плакать, играть, гулять* [5, с. 58-61]. Она отмечает, что «если X занимается «бесперспек-

тивной деятельностью», то, как бы короток ни был период, занятый этой деятельностью, этот X уже «позанимался ею» [5, с. 60]. Если мальчик плавает по полчаса, но через 10 минут его позвали обедать, он все же поплавал немного – хотя и меньше, чем намеревался – ср. *Ему не плавалось в то утро*. Иными словами, предикаты данного типа используются, когда характер события таков, что оно не предполагает никакой кульминации и не приводит само по себе ни к какому иному событию. Рассматриваемая группа глаголов в значительной степени совпадает с неопределенными глаголами, однако не может быть приравнена к ним (см. обоснование их статуса в общей системе неопределенных глаголов в работе [14], где они отнесены к выражающим нетенденцивную определенность в смысле [4]).

Проблема корреляции категории определенности / неопределенности, с одной стороны, и категории вида – с другой, не представляется вполне прозрачной и по-прежнему вызывает споры среди лингвистов. Эту корреляцию осложняет и рассматриваемый в данной статье класс глаголов бесперспективного протекания, а характер взаимоотношений трех категорий нуждается в специальном исследовании. В данной статье будут предложены аргументы в пользу выделения ПБП в отдельную группу и показано, что они не сводимы, например, к неопределенным глаголам, имеют свою область употребления, составляя основу семантической интерпретации нескольких русских синтаксических моделей.

Категория определенности / неопределенности в развернутом виде представлена в трудах А.В. Бондарко, ко-

торый относит ее к периферии общего поля аспектуальности и выделяет несколько семантических разновидностей предела: внутренний, внешний; далее в рамках первого выделяется предел реальный (*Наконец он нас убедил*), потенциальный (*Долго убеждал*). Реальный, в свою очередь, включает предел эксплицитный (*Мы встретились*) и имплицитный (*Иногда мы встречались на факультете*). Семантика определенности / неопределенности определяется как наличие / отсутствие внутреннего предела в языковом представлении действия [4]. Вместе с тем, соотношение категории определенности, вида и семантического предикатного типа ПБП не представляется до конца определенным; бесспорно только то, что оно нуждается в специальном исследовании.

Как показывает исследование, предикаты бесперспективного протекания тяготеют к употреблению в таких моделях, где привносится представление о том, что описываемое событие уже вступило в стадию реализации. Так, выявлено, что именно предикаты этого типа способны заполнять в русском языке дативную безличную модель вида *X-у не спится*, инфинитивную модель типа *Он бежать*; в английском языке – модель типа *have a walk*.

Рассмотрим семантику дативной модели типа *Мне не спится*, *Ему не работалось* и покажем, как ее общее значение «диктует» использование только предиката бесперспективного протекания в ее составе. Данная модель неоднократно служила предметом исследования в лингвистической науке – см., например, [1; 6; 7; 12; 13]. Так, в работе [6] модели предикаторов значение

внутренней предрасположенности к действию, успешности совершения действия, полуконтролируемость, или демиактивность субъекта, невозможность целевых обстоятельств при данных предикатах. Как было показано в [12;13], такое описание не представляется исчерпывающим – например, не ясно, что понимается под демиактивностью и полуконтролируемостью, не вполне точно указание на успешность действия (см. подробнее об этом признак, вносящий информацию о вступлении в предфазу действия, ниже). В работе [1] вышеприведенное описание дополняется следующими деталями: в модели не используются также иные обстоятельства, типа *напряженно, быстро, сосредоточенно, энергично*; данную модель заполняют глаголы, вносящие информацию о занятиях и процессах, но не действиях – автор при этом не уточняет, что понимается под занятиями, в отличие от действий. (Как представляется, в данном случае уместно говорить о предикатах бесперспективного протекания, которые и вносят информацию о «занятиях»). Также предлагается определять данные глаголы как объединяющие пресуппозицию и ассерцию – пресуппозицию составляет указание на действие или попытку его совершить, а ассерцию – указание на состояние субъекта, предрасположенность к действию. В итоге Ю.Д. Апресян предлагает следующее толкование значения данной модели: *X-у P-ся* = X делает P [пресуппозиция]; X находится в таком внутреннем состоянии, когда P не требует от него больших усилий [ассерция]; по мнению говорящего, это состояние возникло не потому, что X этого хотел, а в результате действия какой-то не-

определенной и не зависящей от X-а силы [модальная рамка] [1, с. 37]. Такое описание в принципе хорошо согласуется с нашими результатами [12; 13], согласно которым данная модель вносит информацию о

- наличия у объекта X-а внутренней возможности осуществить данное событие P и о реализации / нереализации P; (ср. разделение на пресуппозицию и ассерцию в [1, с. 36];

- при этом реализация P не зависит от X-а и предопределяется не самим X-ом, а некими силами, существующими в нем; (ср. указание на действие неподконтрольных X-у сил [1, с. 37] и определение выше;

- X уже осуществил по крайней мере предварительную фазу P.

Рассмотрим выделенные признаки подробнее и покажем прежде всего, что речь идет именно о возможности реализовать P, а не о самом процессе [12; 13] – так, в модель нельзя внести показатели модальности типа *мочь, быть должным* – ср. неправильное **Мне не может спаться* или **Ему не должно спаться*. Действительно, возможность выражена на синтаксическом уровне, в значении модели, и потому нет необходимости вводить специально единицы, выражающие возможность, долженствование или иное отношение к событию, не говоря уже о том, что во втором высказывании идея *долженствования* прямо противоречит признаку, вносящему информацию о наличии *возможности*. Иными словами, речь действительно идет о модальности, которую многие исследователи вводили в трактовку модели, однако не интерпретировали этот термин, считая его содержание, вероятно, интуитивно очевидным.

Показатели модальности возможны в том случае, когда они относятся к наречию – *В такую погоду должно хорошо работаться* или *Как может легко дышаться в мегаполисе* – ср. не вполне корректное *?Как может дышаться при такой загазованности!*

Изысканный аргумент в пользу предлагаемой интерпретации находим в работе Н.Д. Арутюновой, которая отмечает, что «из того, что человеку хорошо поется, не значит, что он хорошо поет» ([3, с. 807] – в этом высказывании отчетливо противопоставлено действие *поет* и возможность его осуществления и показано, что при использовании интересующей нас модели речь действительно идет не о действии. Далее, если речь идет действительно о внутренней возможности X-а (которую и можно обозначить как предрасположенность, понимаемую при этом именно как внутреннюю возможность), высказывания, построенные по этой модели, должны допускать различные обстоятельственные характеристики, оценивающие эту внутреннюю возможность и относящиеся ко внутреннему состоянию протагониста – типа *легко, радостно, охотно*, ср. *Мне легко дышится здесь; Что мне спеть, Чтоб Вам сладко спалось?* (Блок); *Правду сказать, отлично лежалось на этом диване* (Тургенев. Два приятеля). Напротив, нельзя добавить обстоятельства, характеризующие саму деятельность, сам процесс – типа *быстро, упруго*, например, нельзя сказать **Мне сегодня быстро бегаются* или **Ему упруго / высоко прыгалось в этот день* (ср., напротив, отмеченное *Мне сегодня удивительно легко бегаются* или *Мне сегодня легко прыгается* – *Она сегодня высоко прыгает, она прыгает удивитель-*

но упруго). В таких примерах как *Когда идет первый снег, в первый день езды на санях, приятно видеть белую землю, белые крыши, дышится мягко, славно, и в это время вспоминаются юные годы* (Чехов. Дама с собачкой) обстоятельства *мягко, славно* также характеризуют скорее душевное состояние героев, чем физику дыхательного процесса. Как представляется, Р. Ружичка [10] имеет в виду именно этот признак, отмечая, что в данной модели «агенса сам оценивает свои действия». Ср. также утверждение Н.Н. Арват о том, что при использовании этой модели привносится представление о «качественной оценке состояния» [2, с. 88]. Подчеркнем еще раз, что речь идет не об отношении к действию – оно выражено другими, чаще всего лексическими средствами: *радостно, охотно*, а о наличии у X-а возможности осуществить Р.

При использовании модели могут часто все же присутствовать указания на какие-то внешние факторы, связанные с описываемым событием – однако они не представлены как непосредственно влияющие на реализацию события, и влияют в первую очередь на внутреннее состояние протагониста и только опосредованно на его реализацию. Иными словами, имеет место непрямая каузация, однако в конечном счете реализация (нереализация) Р определяется внутренним состоянием X-а, ср., например, известную реплику Фамусова *Ей сна нет от французских книг, а мне от русских больно спится*, которая в конечном счете характеризует только его самого. Ср. описание жизни Татьяны Лариной после переезда в столицу: *Под занавескою шелковой Не спится ей в постеле новой* (Пушкин. Евгений Онегин), где состояние

героини не однозначно определяется только городской жизнью (символом которой представлена шелковая занавеска), но в конечном счете внутренним миром героини. В высказывании *Надо вам сказать, что в этом городе я родился и вырос, и потому нет ничего мудреного, что N казался мне необыкновенно уютным, теплым и красивым, хотя столичному человеку живется в нем так же скучно и неуютно, как в любой Чухломе или Кашире* (Чехов. Огни) автор подчеркивает отсутствие прямой связи между внешними условиями жизни и внутренним миром героев – для них в конечном счете определяющим будет собственное мироощущение: то, что представляется уютным и красивым коренному жителю города, для столичного человека может оказаться неприемлемым.

Сравним еще две группы примеров: отмеченные *Из-за шума она не могла уснуть / спать, Из-за шума она не могла работать* и, как представляется, не вполне корректные *?Ей не спалось из-за шума, ?Ему не работалось из-за волнения или ?Ей не спалось из-за холода*. Неправильность второй группы предложений определяется тем, что благодаря словам *из-за холода / жары / волнения* реализация события ставится в прямую зависимость от внешних факторов, тогда как при использовании описываемой модели внешние условия могут быть представлены только как опосредованные каузаторы, только будучи «пропущенными» через личность X-а. Иными словами, в модели невозможно использовать обстоятельства причины (нечто внешнее по отношению к событию), но вполне приемлемы обстоятельства образа действия или сопутствующих обстоятельств. Ср.

еще пример из романа И.А.Гончарова *Дался вам этот Екатерингоф, право! – с досадой отозвался Обломов. – Не сидится вам здесь? Холодно, что ли, в комнате, или пахнет нехорошо, что вы так и смотрите вон?*, или «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» А.С.Пушкина: *Мне не спится; нет огня; Всюду мрак и сон докучный. Ход часов лишь однозвучный Раздается близ меня*, где помимо перечисления внешних обстоятельств, сопутствующих событию, хотя и не представленных в качестве прямых каузаторов действия, присутствует также указание на их взаимодействие с внутренним миром героя – *Что тревожишь ты меня? От меня чего ты хочешь?...Я понять тебя хочу, Смысла я в тебе ищу*. Р. Якобсон при анализе этого стихотворения отмечает важность первой строки и полагает, что именно двойной бессубъектный зачин «определяет художественный строй всего лирического текста» [16, с. 198], – прочие строчки не знают ни безличных предложений, ни отрицаний. В первой строчке «отвергнута осуществимость деятельности» (с. 199) – ср. предлагаемое нами описание семантики данной модели через признак возможности / невозможности реализации события.

Вместе с тем, каузативная синтаксема *от, из-за P* все же может использоваться в модели - ср. примеры из НКРЯ с предлогом *от* - *В первую ночь мне не спалось от волнения, от услышанного о жизни этого дома раньше ...*(Софья Пилявская. Грустная книга); *Гуле не спалось от мыслей, от воспоминаний, от тревоги* (Елена Ильина. Четвертая высота). В данных высказываниях возможность употребления рассматриваемой модели обусловлена значением

предлога *от*, вводящего синтаксему со значением внутреннего каузатива (обозначает действия, состояния или качества субъекта, вызывающие в нем называемое состояние или изменение состояния), но не внешнего каузатива (обозначение воздействующих на субъекта явлений природы, различных обстоятельств, чужих действий и свойств [8, с. 82], которое «усилено» значением существительного, вносящего информацию о не вполне внешнем по отношению к протагонисту событии – например, *от волнения*. Такой пример, как *Соня смотрела из окна на этот лопух, когда ей не спалось от молодости, а теперь зашла на пустошь и сорвала его* (А. Платонов. Чевенгур) представляется не вполне стилистически нейтральным (как известно, стиль А. Платонова обладает особой выразительностью именно в силу необычного использования лексики, что делает эту лексику «выпуклой» и создает неожиданные стилистические эффекты).

Каузативная обусловленная синтаксема (термин Г.А. Золотовой [8, с. 66]) с предлогом *из-за* вносит информацию о причине состояния, события, обозначая каузативную ситуацию эллиптически [там же], также возможна в данной модели, но только если речь идет о внутреннем каузативе.

Обратимся к признаку, вносящему информацию о том, что реализация события не зависит от протагониста и предопределяется не им самим, а иными силами, которые существуют в нем, но ему не подконтрольны. Для этого введем признак контролируемости. В данной работе под контролируемостью понимается сознательное приложение усилий со стороны субъекта к иницированию и поддержанию события

(действия) – см. обоснование такого понимания в работах Т.Д. Шабановой [16], О.А. Сулеймановой ([12; 13]. Из данного определения следует, что

1. субъект прикладывает усилия;
2. сознательно (например, *он вздрогнул* предполагает приложение усилий, однако несознательно, что и делает описываемое событие неконтролируемым);

3. событие может контролироваться на разных этапах его реализации – на начальном, и тогда можно побуждать субъекта к его выполнению – *Смотри!*; на срединном можно побуждать субъекта (уже находящегося в процессе реализации, но, может быть, вступившего в событие несознательно) прекратить его реализацию – *Прекрати глазеть по сторонам!* – ср. неправильное **Глазей!* (примеры из работы [16]).

Тестом на наличие (отсутствие) признака контролируемости в семантической структуре единицы на одной из стадий реализации Р (например, на конечной) может служить способность модели участвовать в императивных структурах типа *Прекрати / перестань делать это!* – ср. *Прекрати работать, Прекрати работу! Перестань грустить!* Если Р представлено как неконтролируемое, высказывание не должно допускать введение таких слов - ср. **Прекрати мне / ему работать!* или даже **Сделай что-нибудь, чтобы мне сегодня работалось*. Эта модель может использоваться только в пожеланиях со словом *пусть*, которое привносит представление о том, что развитие событий в значительной степени зависит от обстоятельств, а не от самого X-а, ср. *Пусть тебе на том свете вечно усмеается между ангелами святыми* (Гоголь. Майская ночь, или

Утопленница), или *Чтоб мне поперхнулось за акафистом великомученице Варваре* (Гоголь. Пропавшая грамота); *Дед мой (царствие ему небесное! Чтоб ему на том свете елись одни только буханцы пшеничные да маковники в меду) умел чудно рассказывать* (Гоголь. Вечер накануне Ивана Купалы). Как видно, данная структурная схема характерна для произведений Гоголя, мир которых населен разнообразными силами, а человек часто предстает как пленник этих непонятных сил.

Рассматриваемый признак препятствует введению в модель единиц, вносящих информацию о попытках протагониста осуществить какой-либо контроль за Р – на любой стадии его реализации. Так, нельзя сказать *?Несмотря на все мои усилия / старания мне не спалось*. Относительно этого высказывания мнения информантов разделились между полным неприятием (*) и признанием допустимости, хотя при этом и некоторой необычности, странности высказывания (?), поскольку информация о приложении усилий, вносимая первой частью высказывания, противоречит значению модели, используемой во второй части. Напротив, вполне можно сказать *Несмотря на все мои усилия я не мог уснуть*, относительно приемлемо *Я изо всех сил старался уснуть, но мне все равно не спалось*, где сообщение о приложении усилий и о событии *не спалось* принадлежат достаточно независимым частям высказывания, разведены в дискурсном пространстве. В рассматриваемые структуры невозможно ввести обстоятельства типа *специально, сознательно, назло*, которые предполагают некоторый контроль со стороны X-а в смысле приложения с

его стороны сознательных усилий для осуществления Р, ср. **Мне не работалось назло ему*. Такие единицы, как *с каким усердием, напряжением*, также невозможны в данной модели, ср.: **С каким усердием ему работалось* и правильное *С каким усердием она работала над этим проектом*. (Ср. указание Ю.Д. Апресяна на неспособность модели включать наречия типа *специально* и др. – выше.)

Еще один тест, позволяющий показать отсутствие контролируемости со стороны X-а, предложен в [5], где он связан с иначе понимаемым признаком контролируемости («демиактивность» и «полуконтролируемость»). Этот тест основан на способности модели сочетаться с обстоятельствами цели, вводимыми предложениями и союзами *ради, из-за и чтобы* (в постпозитивном положении) – например, **Мне работалось ради вас*, **Она пила крепкий кофе, чтобы ей не спалось* (ср., однако, правильное *Она пила крепкий кофе, чтобы не заснуть* или *Я всю жизнь работал ради семьи не покладая рук*). Попробуем, используя полученное описание модели, объяснить одну ее особенность, неоднократно упоминавшуюся в работах, а именно: указывалось, что в качестве лексического глагольного заполнителя модели способны выступать конкретные глаголы (ср., например, [5, с. 171]) – или обозначающие «занятия» [1]). Вместе с тем, как отмечает Т.В. Булыгина, в данной конструкции используются не только конкретные глаголы – ср. примеры из ее работы *Хорошо ли ему там директорствуется?* или *Сегодня нам на семинаре хорошо пофилософствовало* [5, с. 79] или также приводившиеся выше примеры из произведений Н.В. Гоголя – *поперх-*

нулось, елось, усмехалось. Как представляется, эти особенности можно объяснить через признак контролируемости (в нашем понимании), а именно: если характер действия таков, что оно может быть представлено как неконтролируемое со стороны X-а – *Как вам там путешествуется* или *Надеюсь, вам там хорошо гастролируется* (примеры Т.В. Булыгиной), многое зависит от того, насколько благоприятно складываются обстоятельства для реализации Р, и тогда выбор модели вполне оправдан. Ср. *Тут дед принялся уговаривать черта такими прозвищами, что, думаю, ему не один раз чихалось тогда в пекле* (Гоголь. Пропавшая грамота). Напротив, если характер действия таков, что оно требует постоянного приложения усилий со стороны протагониста, эта модель невозможна – ср. **Ему не читалось лекции в то утро (В то утро ему совсем не читалось)* или **Ему не женилось, *Ему не принималось предложение директора компании* – ср., напротив, *Вам холодно немножко, вы закрываете лицо воротником шинели; вам дремлется* (Тургенев, Записки охотника) – характер события таков, что его реализация самопроизвольна и не требует контроля со стороны X-а. Ср. также *Можно было долго сидеть на старом теплом бревне и тоже смотреть далеко – в горы. Думалось – не думалось, хорошо и ясно делалось на душе, как будто вдруг – в какую-то минуту – стал ты громадный, вольный и коснулся руками начала и конца своей жизни – смерил нечто драгоценное и все понял* (Шукшин. Залетный).

Обратимся к признаку, вносящему информацию о том, что X уже осуществил по крайней мере предфазу действия. (См. также работы А. Фрид, где

сходный признак является одним из компонентов, разграничивающих значения предикатов *start / begin*.) В силу данного признака модель не должна использоваться во всех случаях, когда событие представлено как мгновенное и таким образом не членимое на фазы своей реализации, «однофазное». Действительно, рассматриваемые модели не заполняются предикатами, обозначающими мгновенные действия типа *вздрогнуть, вспыхнуть*, ср.: **Ему вздрогнулось, *Ей вспыхнулось, *Нам покраснелось*, перформативами: *заявлять, обещать, приказывать, настаивать* – **Мне настаивается, *Ему заявляется, *Ей не обещается*. В самом деле, перформативный предикат является законченным, осуществившимся действием, его произнесение означает, что действие полностью осуществлено и нет смысла говорить о его вступлении только в предфазу, причем активность X-а также препятствует использованию перформативов в данной модели. Отмеченная Н.Д. Арутюновой неспособность модели заполняться предикатами кратного действия типа **ему спелось* также получает объяснение в рамках предлагаемого нами описания, а именно: в данном случае предикат относится к нефазовым, это предикат в форме совершенного вида, вносящий информацию о конечном моменте – моменте завершения события, его результате, что противоречит присутствующему в значении модели признаку, вносящему информацию о том, что протагонист вступил только в начальную фазу / предфазу его осуществления. Напротив, в модели свободно используются предикаты, которые обычно представляют событие как последовательную смену фаз ре-

лизации, как пофазно существующий объект (в смысле [10, с. 9]) – типа *работать, мечтать* – ср. *Весь день мне отлично работалось*, где сообщается о возникновении и реализации соответствующих возможностей в течение всего описываемого отрезка времени. Ср. также примеры: *Кому живется счастливо Вольготно на Руси?* (Некрасов. *Кому на Руси жить хорошо?*); *Анна ответила несколько слов даме, но, не предвидя интереса от разговора, попросила Аннушку достать фонарик, прицепила его к ручке кресла и взяла из своей сумочки разрезной ножик и английский роман. Первое время ей не читалось* (Толстой. *Анна Каренина*); *Вообще-то я хитра В смысле подлости нутра, Да чавой-то мне сегодня Не колдуется с утра!* (Филатов. *Про Федота-стрельца, удалого молодца*).

Возможно, что именно с данным признаком связана особенность модели заполняться предикатами бесперспективного протекания – типа *плакать, играть, гулять*. На особенностях данной модели может строиться основной художественный эффект произведения – например, в известном стихотворении М. Цветаевой «Попытка ревности». В целом по нашим наблюдениям эта модель нехарактерна для М. Цветаевой, тогда как в данном стихотворении на 48 строк насчитывается 18 предложений, построенных по данной модели. Таким образом ей несомненно придается особая значимость – *Как живется вам с другою? как живется вам - хлопочется Ежится? Встается – как?* В стихотворении презрение и, может быть, некоторая жалость к адресату, который представлен (именно благодаря используемой модели) как не вполне способный

контролировать ситуацию, поддавшийся слабости и плывущий по воле волн – к нему даже не апеллируют как к личности. Этот эффект усилен описанием окружения героя – *женщина земная, без шестых чувств* (имеется в виду тонкая духовная организация, шестое чувство), а также использованием таких стилистически сниженных глаголов, как *ежиться, хлопотать* – хлопоты антигероя оценены как бессмысленные – целеполагание, лежащее в основе лексического значения глагола *хлопотать*, как бы уничтожается его использованием в такой модели, которая исключает не только целеполагание, но и вообще какой-либо контроль за событием. У М. Цветаевой находим еще одно четверостишие, построенное по данной модели: *Развела тебе в стакане Горстку жженных волос. Чтоб не елось, не пелось, Не пилося, не спалось* – лирическая героиня обращается за помощью к темным силам, которые до конца ей не подвластны, накладывает на героя заклятие, однако ситуация не подконтрольна ей, многое зависит от действия этих сил, что и определяет выбор в данном случае именно этой модели.

Предикаты бесперспективного протекания могут заполнять еще одну модель малого синтаксиса – инфинитивную типа *И царица хохотать, Он бежать, да не тут-то было, Она – идти, а он не пускает, Она было идти, а он не пускает*. Она вносит информацию о том, что протагонист вступил в осуществление события Р (начальная фаза протекания Р), при этом характер Р таков, что оно обозначено предикатом «бесперспективного протекания». В данной модели может использоваться только глагол несовершенного

вида – ср. неправильность высказываний с глаголом совершенного вида: *Она – захохотать, *Он – пойти, *Она – убежать (при возможности Она – хохотать / идти / бежать), что определяется именно тем, что X представлен как вступивший только в первую фазу осуществления Р, и потому говорить о совершении и тем более завершенности действия Р (что обычно сопутствует форме совершенного вида) пока не имеет смысла. Данная модель отличается от синонимичной модели с глаголом в личной форме типа Она давай хохотать / начала хохотать в том, что предикат начать хохотать вносит информацию непосредственно о вступлении X-а в Р, тогда как она – хохотать вносит информацию о том, что X «зафиксирован» в момент уже идущего Р, X вступил уже по крайней мере в конец первой / начало второй фазы реализации Р. (См. сходную ситуацию с моделями типа Мне не спится, где событие представлено как уже имеющее место к моменту «фиксации» участия в нем X-а). Информация о том, что X осуществил по крайней мере предварительную или начальную фазу реализации Р, может также передаваться моделями типа Вам ли жаловаться, где привносится представление о том, что собеседник говорящего уже высказал нечто, что говорящий квалифицировал как жалобу. Причем эта информация входит именно в ассертивную часть высказывания, не принадлежит его пресуппозиции - ср. возможную реакцию собеседника – А я и не жалуясь, я просто хочу объяснить, почему так получилось. Высказывание с предикатом совершенного вида Вам (что) ли пожаловаться представляет уже иную

модель и вносит информацию о сомнениях / размышлениях говорящего относительно своих собственных планов действий, вовлекающих при этом собеседника. Ср. также предложения типа Мне бы (только) понять, чего вы хотите, построенных по сходной модели, где говорящий – благодаря частицам только и бы - озвучивает условие реализации некоторого неназванного здесь события, и где нет информации о вступлении X-а в одну из фаз реализации обозначенного события понять.

Предикаты бесперспективного протекания используются также в английской модели типа have a drink, все разновидности которой (например, А. Вежицкая выделяет 10 семантических разновидностей модели) объединены тем, что в них используется только предикат бесперспективного протекания, принимающий форму конверсива [14].

Выделение предикатов бесперспективного протекания (вместо не вполне очерченного класса «конкретных» глаголов или «занятий» и процессов в отличие от действий) позволяет уточнить интерпретацию семантики ряда синтаксических моделей «малого синтаксиса» (по выражению Ю.Д. Апресяна). Для описания семантики моделей значимым оказывается также признак контролируемости, однозначность определения которого как 1. информация о приложении усилий, 2. сознательность их приложения, а также 3. выделение этапов контролируемости действия обладает высоким эвристическим потенциалом. В перспективе представляется важным выявить инвентарь возможных синтаксических структур, где могут использоваться предикаты бесперспективного протекания, а также четче очертить границы

данной группы относительно других входящих в категории предельности / групп глаголов поля аспектуальности, неопределенности и категорию вида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Основные принципы и понятия системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 33–75.
2. Арват Н.Н. Безличные предложения в современном русском языке. Киев, 1984. 68 с.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки славянской культуры, 1998. 895 с.
4. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб.: изд-во СПбГУ, 1996. 218 с.
5. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7–85.
6. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки славянской культуры, 1997. 576 с.
7. Галкина-Федорук Е.Н. Безличные предложения в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1958. 232 с.
8. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: УРСС, 2001. 438 с.
9. Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в русском языке // Известия АН СССР. СЛЯ. Том 7. 1947. № 4. С. 303–316.
10. Ружичка Р. О трансформационном описании так называемых безличных предложений в современном русском литературном языке // Вопросы языкознания. 1963. № 3. С. 22–31.
11. Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 86–157.
12. Сулейманова О.А. Семантика моделей типа «Мне не спится» // Русский язык как иностранный. Лингвистические проблемы. М., 1997. С. 185–194.
13. Сулейманова О.А. Проблемы русского синтаксиса. Семантика безличных предложений. М.: Диалог МГУ, 1999. 222 с.
14. Холодова Д.Д. Предикаты «бесперспективного протекания»: семантический и прагматический анализ: автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 2015. 26 с.
15. Шабанова Т.Д. Семантическая модель английских глаголов зрения (Теоретико-экспериментальное исследование). Уфа: Изд-во Восточного университета, 1998. 196 с.
16. Якобсон Р.О. О «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы» // Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 198–206.

REFERENCES:

1. Apresyan Yu.D. Osnovnye printsipy i ponyatiya sistemnoi leksikografii [Basic principles and concepts of systemic lexicography] // Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya [Linguistic picture of the world and systematic lexicography]. M., Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. pp. 33–75.
2. Arvat N.N. Bezlichnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke [Impersonal sentences in the modern Russian language]. Kiev, 1984. 68 p.
3. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka [Language and world of man]. M., Yazyki slavyanskoj kul'tury, 1998. 895 p.
4. Bondarko A.V. Problemy grammaticheskoi semantiki i russkoi aspektologii [The problems of grammatical semantics and Russian Aspectology]. SPb., Izd-vo SPbGU, 1996. 218 p.
5. Bulygina T.V. K postroeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke [Building a typology of

- predicates in the Russian language] // *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic types of predicates]. М., Nauka, 1982. pp. 7–85
6. Bulygina T.V., Shmelev A.D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Language conceptualization of the world (on the material of Russian grammar)]. М., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 1997. 576 p.
 7. Galkina-Fedoruk E.N. *Bezlichnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Impersonal sentences in the modern Russian language]. М., Izd-vo MGU, 1958. 232 p.
 8. Zolotova G.A. *Sintaksicheskii slovar'. Repertuar elementarnykh edinit russkogo sintaksisa* [The syntactic dictionary. The repertoire of elementary units of Russian syntax]. М., URSS, 2001. 438 p.
 9. Maslov Y.U.S. *Vid i leksicheskoe znachenie glagola v russkom yazyke* [The type and lexical value of the verb in the Russian language] // *Izvestiya AS USSR. SLL. Vol. 7. 1947. no. 4.* pp. 303–316.
 10. Ruzhichka R. *O transformatsionnom opisaniy tak nazyyaemykh bezlichnykh predlozhenii v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [The transformational description of the so-called impersonal sentences in the modern Russian literary language] // *Voprosy yazykoznaneya*. 1963. no. 3. pp. 22–31.
 11. Seliverstova O.N. *Vtoroi variant klassifikatsionnoi setki i opisaniye nekotorykh predikatnykh tipov russkogo yazyka* [The second variant of the classification system and the description of certain predicate types of the Russian language] // *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic types of predicates]. М., Nauka, 1982. pp. 86–157.
 12. Suleimanova O.A. *Semantika modelei tipa Mne ne spitsya* [The semantics of the models of the type "I can't sleep"] // *Russkii yazyk kak inostrannyi. Lingvisticheskie problemy* [Russian as a foreign language. Linguistic problems]. М., 1997. pp. 185–194.
 13. Suleimanova O.A. *Problemy russkogo sintaksisa. Semantika bezlichnykh predlozhenii* [Problems of Russian syntax. The semantics of impersonal sentences]. М., Dialog MGU, 1999. 222 p.
 14. Kholodova D.D. *Predikaty «besperspektivnogo protekaniya»: semanticheskii i pragmaticheskii analiz: avtoref. diss... kand. filol. nauk* [Predicates of unlimited process: a semantic and pragmatic analysis: abstract of PhD thesis in Philology]. М., 2015. 26 p.
 15. Shabanova T.D. *Semanticheskaya model' angliiskikh glagolov zreniya (Teoretiko-eksperimental'noe issledovanie)* [A semantic model of the English verbs of vision (Theoretical-experimental study)]. Ufa, Izd-vo Vostochnogo universiteta, 1998. 196 p.
 16. Yakobson R.O. *O «Stikhakh, sochinennykh noch'yu vo vremya bessonnitsy»* [On "Verses composed at night at the time of insomnia"] // *Raboty po poetike* [Works on Poetics]. М., Progress, 1987. pp. 198–206.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Судейманова Ольга Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор института иностранных языков Московского городского педагогического университета;
e-mail: olgasoul@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Suleimanova Olga A. – PhD of Philology, professor, professor at the Institute of Foreign Languages of Moscow City Pedagogical University;
e-mail: olgasoul@rambler.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Сулейманова О.А. Семантика моделей с предикатами «бесперспективного протекания» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. №2. С. 75–87.

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-75-87

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

O. Suleimanova. Semantic description of the sentence models with predicates denoting “prospectless activity” // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Linguistics. 2016. no.2. pp. 75–87.

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-75-87